

УДК 371.2
ББК 74.03(2)

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-2-123-135

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗГРАМОТНОСТИ НА ГЖЕЛЬСКОМ НАРОДНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОМЫСЛЕ В 1920–1930-х гг.

В. В. Никонов

Аннотация. В статье на основе использования архивных источников и материалов местной прессы рассматривается процесс ликвидации безграмотности на Гжельском народном художественном промысле в 1920–1930-х гг. Показаны методы решения этой важнейшей задачи послереволюционных десятилетий в масштабах Раменского района Подмосковья. Ряд документов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Гжельский народный промысел, ликвидация безграмотности, обучение неграмотных, Раменский район.

ELIMINATION OF ILLITERACY IN THE GZHEL FOLK ART INDUSTRY IN THE 1920s AND 1930s

V. V. Nikonov

Annotation. Based on the use of archival sources and materials from the local press, the article examines the process of eliminating illiteracy in the Gzhel folk art industry in the 1920s and 1930s. Methods for solving this most important problem of the post-revolutionary decades on the scale of the Ramensky district of Moscow region are shown. A number of documents are being introduced into academic circulation for the first time.

Keywords: Gzhel folk craft, elimination of illiteracy, education of illiterate people, Ramensky district.

Никонов В. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ликвидация безграмотности как государственная задача первых послереволюционных лет

Вопрос о ликвидации безграмотности населения стал одним из приоритетных вопросов государственного значения для советской власти практически сразу после победы большевиков. Однако реальная программа решения этой проблемы была сформирована несколько позже – в конце 1919 г., когда Советом народных комиссаров был принят декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» [1, л. 34–40].

Согласно его нормам, все неграмотное население РСФСР в возрасте от 8 до 50 лет законодательно обязывалось обучаться грамоте. Это обучение могло проводиться как в существовавших школах, так и в специально учреждавшихся с этой целью учебных заведениях. Отдельно оговаривалось, какие именно помещения могут быть задействованы под устройство в них пунктов по ликвидации безграмотности – ликпунктов. Такими объектами, по букве Декрета, становились «народные дома, церкви, клубы, частные дома, подходящие помещения на фабриках, заводах и в советских учреждениях». Отмечалось, что учреждения, имевшие целью ликвидацию безграмотности, должны были иметь преимущественное перед иными советскими учреждениями право на государственное снабжение. Народному комиссариату просвещения предоставлялось право привлекать к обучению неграмотных любого грамотного гражданина «в порядке трудовой повинности». Позаботились власти и об обучающихся. Их рабочий день официально сокращался на два часа с сохранением заработной платы. О том, что власти настроены решительно, красноречиво свидетельствовал п. 8 Декрета, который гласил: «Уклоняющиеся от установленных настоящим декретом повинностей и препятствующие неграмотным посещать школы привлекаются к уголовной ответственности» [1].

Что же послужило причиной столь решительной борьбы большевиков против

массовой неграмотности? Ответ очевиден: помимо того, что грамотный человек, несомненно, является более эффективным работником, существовал и другой момент: новой власти были нужны граждане, способные свободно воспринимать идеологические постулаты, тиражируемые в виде лозунгов, листовок, периодических изданий и пр. «Забота об элементарном образовании народа и приоритет этой задачи легко объяснимы – прежде всего, грамотность была не целью, а средством: массовая неграмотность находилась в вопиющем противоречии с политическим пробуждением граждан и затрудняла осуществление исторических задач преобразования страны на социалистических началах. Новой власти требовался новый человек, полностью понимающий и поддерживавший политические и экономические лозунги, решения и задачи, этой властью ставившиеся. Помимо крестьянства, основной “целевой” аудиторией ликбеза были рабочие» [2].

Для оптимизации претворения положений Декрета 1919 г. в жизнь на следующий год, 19 июля 1920 г., Совет народных комиссаров выпускает новый декрет: «Об учреждении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности». Новым декретом при ВЧКЛБ (так ее наименование выглядело в сокращенном виде) учреждалось постоянное совещание, состоявшее из представителей отдела по работе в деревне при ЦК РКП, отдела по работе среди женщин при ЦК РКП, ЦК РКСМ, ВЦСПС, Политуправления Реввоенсовета и Управления Всеобщего военного обучения [3].

Обучение грамоте в 1920-х гг. строилось следующим образом: «Каждый населенный пункт с числом неграмотных свыше 15-ти должен был иметь школу грамоты – ликпункт. В программу обучения включались чтение, письмо и счет. В начале 1920-х гг. программа была уточнена: занятия на ликпункте имели своей целью научить читать ясный печатный и письменный шрифты; делать краткие записи, необходимые в жизни и служебных делах; читать и записывать целые и дробные числа, проценты, разбираться

в диаграммах и схемах; учащимся объяснялись основные вопросы строительства советского государства. Срок обучения составлял 3–4 месяца» [4].

Окончивший ликпункт человек считался уже малограмотным. Для него были открыты специальные школы, в которых преподавались уже основы обществоведения, экономической географии и истории. Кроме того, в деревнях предполагалось обучение началам агро- и зоотехники, а в городах – политехнических наук [2].

Предпринятые меры стали приносить результаты, но с наступлением эпохи НЭПа и переводом учреждений внешкольного образования на местный бюджет сеть ликпунктов значительно сократилась. Осенью 1923 г. было создано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность». Эта идея была воспринята с энтузиазмом, и вскоре Общество уже насчитывало до 100 тыс. членов. К середине 1920-х гг. эта цифра возросла до полумиллиона человек. Всего же за время своего существования члены Общества обучили более 5 млн неграмотных. К середине 1930-х гг. было признано, что ОДН свою задачу выполнило [5].

Грамотность на Гжельском промысле до революции

О том, как обстояло дело с грамотностью в Гжели в середине XIX в., сохранились документальные свидетельства. Вот как описывает проблему образования в Гжели в 1864 г. очевидец:

«Грамотность (гжельских. – В. Н.) фабрикантов ограничивается чтением и плохим письмом, а есть и много таких, которые и того не знают. Книг никаких не ведут, ученость основана на громадной памяти. На счетах делают очень сложные расчеты и при быстром соображении считают верно и легко. Книг никаких не читают, кроме религиозных, и то мало. В грамотности и теперь многие не видят необходимости, уверяя, что они свой век хорошо прожили и без грамотности... Каждый фабрикант, кажется, инстинктивно боится дать правильное

или техническое образование своему сыну. Куда отдать своего сына для образования? Если образовывать его в гимназии, а тем более в ремесленном заведении или технологическом институте, пожалуй, учение для завода и впрямь не пойдет. Чего доброго, сын совершенно отшатнется от своего мужика-отца и от той среды, в которую должен вернуться из училища. А то придет на завод, да и начнет сразу гнуть все поученому, не разбирая, хорошо ли это будет, или нет» [6, с. 396–397]. Необразованность в самых простых вещах, помноженная на нежелание учиться, рано или поздно, но неизбежно становилась препятствием к успешному развитию предприятий. До какого-то момента самых примитивных знаний хватало, но вскоре их недостаток начинал ощущаться все более остро. «Невежество заводчиков является коренным тормозом всякого улучшения, а потому в орудиях и приемах производства сделано не много усовершенствований. Если таковые и являются, то они тесно связаны с редкими энергичными личностями, вроде Киселева» [7, с. 133].

В то же время Удельное Ведомство еще с 1830-х гг. предпринимало меры к развитию начального образования в Гжельском регионе и, согласно свидетельствам современников, достигло определенных успехов во второй половине XIX в. На 19 селений, существовавших в тот период в Гжельской округе, насчитывалось пять школ. Расположены они были в Гжели, Карпове, Турыгине, Игнатеве и Речицах. Раньше других, еще в 1830-х гг., были открыты школы в Гжели и Карпове. К 1870-м гг. они перестали вмещать растущее число учеников. Так, гжельскую школу, рассчитанную на 35–40 учащихся, в 1876 г. посещало 83 человека. В карповской школе к этому времени было более 100 учеников. Позднее на средства Земства в Игнатеве и Речицах были организованы начальные училища.

Преподавание в указанных школах велось по четырем предметам: закону Божьему, чтению, письму и арифметике. В исследовании А. Исаева отмечается, что обучение

в целом шло успешно и на выпускном экзамене в 1875 г. «ответы учеников по русскому языку и арифметике были обстоятельны, а по закону Божию даже превосходны» [7, с. 172].

Довершить картину общего начального образования в регионе следует, упомянув два неофициальных учебных заведения, которые находились в деревнях Фениной и Трошковой. Здесь частным образом преподавали две «вековечные» учительницы. «Вековечными» назывались женщины, никогда не бывшие замужем. Обе они были выпускницами ранее закрытого гжельского женского училища и, по свидетельству современников, обладали в полной мере необходимыми знаниями и педагогическими навыками. У них обучались и мальчики, и девочки, которым неудобно было добираться до регулярных школ [8, с. 36–38].

К началу XX в. на территории промысла действовало более 10 школ, земских и церковно-приходских, а также школ грамоты, которыми в общей сложности было охвачено до 40% детей школьного возраста [9]. Таким образом, можно говорить о том, что перед революцией 1917 г. показатели грамотности в Гжельском керамическом районе были несколько выше средних по губернии. Однако из-за революционных событий и последовавшей за ними Гражданской войны процент грамотного населения существенно понизился.

Статистические данные о распространении грамотности в Раменском районе

Документально подтвержденные сведения о соотношении грамотных и неграмотных в Бронницком уезде Московской губернии в середине 1920-х гг. находим в справочнике Московского статистического комитета 1929 г. В нем приводятся следующие цифры: по городскому населению уезда на 24 759 чел. обоего пола приходилось 17 437 грамотных [10, с. 10], что составляло 70,5%. Для сельского населения соотношение было иным: на 145 944 чел., проживавших в деревнях и селах, грамотных было

82 522 [10, с. 12], то есть 57%. Средний процент грамотных по Бронницкому уезду, таким образом, составлял 58,5%.

Данные, приведенные в официальном справочнике, фиксируют процент грамотного населения на 1926 г. В дальнейшем эта доля постоянно увеличивалась, однако, как будет показано ниже, в Раменском районе, образованном в 1929 г. из Бронницкого уезда, с определением точного числа неграмотных и малограмотных у местных властей постоянно возникали трудности. Так, согласно сведениям, приведенным в газете Раменского районного отделения ВКП(б) «Авангард», в 1929 г. во всем районе «насчитывалось 868 неграмотных и 1558 малограмотных в возрасте от 16 до 35 лет». И тут же сообщается, что «РОНО этим данным не верит и будет производить дополнительный учет через сельсоветы» [11]. Это же издание в рубрике с «говорящим» названием «Ликбез под угрозой срыва» сообщает сведения по некоторым селениям Раменского района: «Ф-ка им. Володарского: Учтено неграмотных и малограмотных 159. Обучается 32 рабочих. Общественность в стороне. Культработник рабкоопа отвечает: «Мне некогда было заниматься ликбезом». В. Мячково: Ликвидация неграмотности в загоне. Провели только учет, но к занятиям до сих пор не приступали. Сельсовет этому делу внимания уделяет слишком мало. Н. Мячково: Неграмотные учиться не хотят, учить их некому, так как местные учителя стоят в стороне от ликбеза и вообще от ответственности. Ф-ка Спартак: Учтено 11 неграмотных и 45 малограмотных. Учится только 20 малограмотных. Все фабричные организации относятся безразлично. Выделенный комсомольский актив до сих пор к работе не приступал. Фабком тоже не уделяет должного внимания» [12]. Разумеется, приведенные сведения не дают полную картину числа неграмотных и малограмотных, но выводы о том, что на рубеже 1920–1930-х гг. дело ликбеза в Раменском районе находилось в состоянии стагнации, сделать можно.

Данные о числе неграмотных по Раменскому району в 1931 г. приведены в сентябрьском номере газеты «Авангард». «По последнему учету одних только неграмотных

насчитывается 1150 человек, в том числе колхозников 560 и рабочих предприятий 275 человек. Количество малограмотного населения далеко превышает неграмотных» [13]. Представляется вполне уместным предположение, что выражение «далеко превышает» предполагает превышение по меньшей мере в два раза. Следовательно, можно заключить, что в сентябре 1931 г. общее число неграмотных и малограмотных по району составляло не менее 3500 человек.

Однако уже в ноябре 1931 г. в местной официальной прессе были названы такие цифры: «При неполном учете по сельской местности (в районе. – *В. Н.*) оказалось неграмотных 769 чел., малограмотных 988 чел., подлежит обучению 1767 чел.» [14]. Вероятно, в последней цифре мы имеем дело с опечаткой, так как сумма двух приведенных выше дает иной результат – 1757. В любом случае для района, в котором в начале 1930-х гг. проживало более 200 тыс. жителей, эта цифра представляется весьма заниженной – менее 1% от всего населения. А между тем, судя по всему, на нее всерьез ориентировались. Иначе чем можно объяснить, что в ноябре 1931 г. постановлением РКК-РКИ неграмотность в Раменском районе приказывалось полностью ликвидировать к 1 января 1932 г. [15]. Если бы это произошло, то Раменский район стал бы первым во всем СССР справившимся с поставленной задачей и опередившим всех по крайней мере на 20 лет. Характерно, что в самом постановлении предписывалось «точно выявить учет неграмотных и малограмотных», хотя приведенная выше цифра – 1767 чел. – фигурировала в соседнем столбце той же газетной полосы.

Значительно разнятся цифры по неграмотным рабочим промышленных предприятий Раменского района, приведенные выше (275 чел. осенью 1931 г.), с аналогичными, зафиксированными в январе 1935 г. Теперь неграмотных рабочих оказалось 508 человек, а малограмотных – 1221 человек [16].

Летом 1936 г. число неграмотных и малограмотных еще «возросло» и составило 1100 неграмотных и 3300 «остро малограмотных» [17], то есть 4400 человек.

Наконец, 19 сентября 1936 г. состоялось заседание Раменского исполкома и Бюро ВКП(б), полностью посвященное ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения Раменского района. Постановление, принятое на этом заседании, будет рассмотрено ниже, а теперь отметим лишь цифры, приведенные в документе: «из 941 н/г села охвачено обучением только 22 ч., из 1746 неграмотных в промышленности обучаются только 72 человека, из 1630 м/г села учится 43 человека и из 2614 м/гр. промпредприятий обучается 593 ч.» [18, л. 17–21]. Сложив указанные в документе цифры, получим, что, несмотря на все усилия по борьбе с неграмотностью, в районе в 1936 г. продолжали оставаться неграмотными 2687 человек, а малограмотными – 4244 человека. Всего почти 7 тыс. человек. То, что 4360 человек неграмотных и малограмотных зафиксировано среди рабочих промышленных предприятий, имеет прямое отношение к Гжельскому промыслу как второму после Раменского центру промышленности в районе.

И в заключение рассмотрения вопроса о числе неграмотного населения в районе приведем фрагмент протокола расширенного пленума Райисполкома, состоявшегося в марте 1937 г.

«СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ И МАЛОГРАМОТНОСТИ

1. Контрольные цифры по учету на 15/IV-36 г. СЕЛО:

неграмотных – 860
малограмотных – 1686

ПРЕДПРИЯТИЯ: неграмотных – 1795
малограмотных – 4572

2. Обучено за 1935/36 уч. год по 1/1-37 г. ПО СЕЛУ:

неграмотных – 237
малограмотных – 53

ПО ПРЕДПРИЯТИЯМ: неграмотных – 541
малограмотных – 260

ВСЕГО: неграмотных – 778
малограмотных – 313

3. Обучено с 1/1-37 г. по 1/VIII-37 г.

СЕЛО: неграмотных – 58

ПРЕДПРИЯТИЯ неграмотных – 641

малограмотных – 734

ВСЕГО по предприятиям: 1375» [19, л. 30, 32].

Как видим, цифры, указанные документе в качестве итоговых, лишь отдаленно согласуются с приведенными выше, взятыми из иных источников.

Таким образом, на протяжении рассмотренного временного промежутка число неграмотных и малограмотных в Раменском районе не уменьшалось, как можно было бы предположить, а, напротив, увеличивалось. Кроме того, представленные материалы позволяют сделать вывод о том, что наладить точный учет числа неграмотных и малограмотных в Раменском районе в 1930-х гг. не удалось. Однако мы не утверждаем, что причиной столь очевидной несогласованности данных стал исключительно человеческий фактор. Несомненно, на изменение цифр существенным образом влиял постоянный приток на промышленные предприятия района рабочих, многие из которых были неграмотными и малограмотными, о чем имеются прямые указания в различных источниках.

Даже если взять в расчет сведения, приведенные в последнем документе (а ему можно доверять), то в 1937 г. в районе насчитывалось не менее 7 тыс. неграмотных и малограмотных человек в возрасте от 8 до 50 лет. Очевидно, что если бы учитывалось население более старшего возраста, то эта цифра была бы значительно выше.

При этом следует отметить, что даже работники МОНО вынуждены были констатировать: «Насколько безответственно поставлено дело ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения в отделе народного образования (Раменского района. – В. Н.), видно из того, что там даже не знают более или менее точного числа неграмотных и школьных работников, занятых работой по ликбезу» [17].

Организация обучения неграмотных

Однако трудности с определением числа нуждающихся в обучении грамоте были не единственными в деле ликбеза. Как свидетельствуют документы, сам процесс организации обучения грамоте наладить было

непросто. Исполнители, которыми были и местные органы власти, и хозяйствующие субъекты, и конкретные учителя и культработники, – все находились под постоянным прессингом постановлений разного уровня – от государственного до районного. Сверху постоянно требовали нужных цифр, а с начала 1930-х гг. – еще и рапорта о полной победе в деле борьбы с неграмотностью. Однако на деле это выполнить было невозможно по целому ряду причин. Во-первых, несмотря на постоянные государственные дотации ликпунктам и их работникам, помещений, учителей, пособий и тетрадей все равно не хватало. Во-вторых, как показывают многочисленные документы, учителя и культработники по разным причинам не спешили работать с неграмотными так, как этого требовали от них вышестоящие организации. В-третьих (и это, возможно, было главной причиной «прорыва», как тогда говорили, в деле ликбеза), следует констатировать массовое нежелание самих неграмотных и малограмотных чему-либо учиться. Но даже если бы удалось устранить перечисленные трудности, все равно достичь поголовной грамотности в районе было бы невозможно по причине постоянного притока новой рабочей силы на местные промышленные предприятия. А кто пополнял ряды рабочих? Крестьяне из отдаленных деревень и сел, где с грамотностью дела обстояли традиционно плохо. Они постоянно «портили» статистику по обучающимся в ликпунктах, тем более что, как указывалось выше, в большинстве своем учиться вовсе не желали. Неудивительно, что во всех без исключения документах, имеющихся в распоряжении автора, отмечаются трудности в деле ликбеза и ни в одном из них не говорится об удовлетворении проделанной работой. Рассмотрим некоторые из них.

В 1930 г. в районной прессе появляются статьи, рисующие катастрофическое положение в вопросе ликвидации безграмотности: «Добровольное общество “Долой неграмотность” не работает за отсутствием платной единицы. Ожидают работника из центра.

Несмотря на наступивший уже учебный год и боевую задачу культурного фронта, в РОНО продолжает быть летнее настроение. Работник – инспектор по ликбезу Тонкова в отпуску. Нужно бить тревогу на фронте ликбеза, поднять на ноги всех культурных работников, привлечь молодежь, общественность, иначе дело ликбеза будет сорвано» [11].

На Гжельском промысле ликвидация безграмотности в начале 1930-х гг. проходила особенно тяжело. В марте 1931 г. в газете «Авангард» выходит заметка «В Гжели прорыв», полностью посвященная этой проблеме, в которой поднимается важный вопрос о взаимодействии различных ведомств в общем деле ликбеза: «В Гжельском подрайоне с ликбезом дело обстоит плохо. Завкомы заводов считают, что работа по ликвидации неграмотности их не касается. Некоторые из них так и заявляют: “В прорыве по ликбезу виновато учительство. Оно плохо работает”.

Сами же завкомовцы палец о палец не ударили. По некоторым цехам Речицких заводов царит такое настроение, что рабочим совсем не нужно ликвидировать неграмотность (довольно часто встречающееся отношение неграмотных к предложению учиться. – В. Н.).

Сейчас охвачено учебой неграмотных 60%, но посещают занятия они плохо. На Турыгинском и Ново-Харитоньевском заводах, несмотря на то, что договор на соревнование по ликбезу есть, малограмотные совсем не посещают школу. Не учатся многие и в артелях.

В Гжели в общем плохо. Культкомиссии сельсоветов не раскачались еще. Союзы, кроме Рабпроса, не считают нужным заниматься ликбезом. В Коняшине создан штаб по ликбезу, на сельсовете говорили, обсуждали, а работа стоит на точке замерзания. Педагоги Коняшинской детсанатории не хотят браться за ликбез.

В Фенине сельсовет бездействует. Неграмотные не учатся, а 28 малограмотных вынуждены посещать школу при артели.

В Карпове есть неграмотных 5 женщин, но занятий с ними никто не проводит.

В Трошкове занятия совсем не проводятся.

В Ново-Харитонове неграмотные занимаются не все.

В Турыгине учтено 12 чел., но занимают из них только 6 чел. Сельсовет этим вопросом совсем не интересуется.

Отношение советских и общественных организаций к ликбезработе в Гжели нетерпимо. Нужно немедленно всем сельсоветам проработать этот вопрос на расширенных пленумах. Прорыв нужно ликвидировать немедленно» [20].

Факты, приведенные в заметке, свидетельствуют о двух сформировавшихся тенденциях: во-первых, попытках руководителей производств избежать участия в ликбезе и свалить ответственность на местное учительство и, во-вторых, устойчивым нежеланием значительного числа неграмотных учиться. Но эти трудности, обусловленные человеческим фактором, оказываются далеко не единственными. Весной к ним прибавляются дополнительные, связанные с весенними полевыми работами, которые традиционно занимают почти все светлое время дня сельского населения: «Раменская районная организация общества “Долой неграмотность”, – говорится в материале “ОДН – в массы”, – проводит 1-го марта в 10 час. утра в клубе им. Воровского районную конференцию ОДН. Конференция должна решить ряд важнейших задач, стоящих перед ОДН и ликбезом. Весенне-посевная кампания обязывает всю советскую общественность принять в ней участие... ОДН до сих пор почти никакой боевой работы в деревне и на производстве не вело. Нужно оживить его работу. Нужно сделать эту работу достоянием масс... Наш клич – ОДН в массы» [21].

Лозунги лозунгами, но необходимость проведения сельскохозяйственных работ в срок продолжает «мешать» делу ликбеза на протяжении всех 1930-х гг. «В совхозе Электрозавода руководители ничего не делают для выполнения указаний партии и правительства о ликвидации неграмотности. “У меня сейчас полевые работы, и этим вопросом некогда заниматься”, – отвечает

заведующий участком» [22]. И таких заведующих участками вполне можно понять: не направь они все имеющиеся в их распоряжении ресурсы на полевые работы, они, несомненно, подвергнутся критике тех же партийных и советских органов за срыв сельскохозяйственных работ.

15 августа 1931 г. декретом СНК было введено всеобщее обучение неграмотного населения в городах и селениях в возрасте от 16 до 50 лет. Осуществление норм этого декрета формально потребовало немедленного усиления оперативной работы со стороны всех районных организаций. Однако на деле от местных властей требовалось в кратчайшие сроки отрапортовать о состоянии дел с ликбезом на местах, что и было сделано: «Все организации – партийные, комсомольские, советские, профессиональные и вся сельская и колхозная общественность обязаны переключить свою работу на 100% ликвидацию неграмотности к 14 годовщине Октября» [13]. Процитированный призыв был опубликован 27 сентября 1931 г., а 14-я годовщина революции наступала, как известно, 7 ноября того же года. Очевидно, что ни о каком решении столь серьезной и многовариантной задачи, как ликвидация неграмотности, в такие сроки речи идти не могло. Таким образом, приведенные факты являются выразительным примером формального отношения к делу со стороны как вышестоящих, так и местных органов власти.

Осенью 1931 г. районные власти своим постановлением требуют ликвидировать неграмотность уже не к ноябрю 1931 г., а к 1 января 1932 г. материал выходит под громким названием: «К 1 января – снять позор с района». В Раменском районе объявляется декадник ликбез-похода, на который мобилизуется комсомольская, колхозная и рабочая общественность. Инспектору РОНО и райштабу ликбез-похода вменяется в обязанность немедленно организовать соцсоревнование за ударничество среди учащихся и ликбез-работников. Хозяйственные и общественные организации обязывались точно и в указанные сроки перечислять деньги в фонд ликбеза [15].

Напомним, что ликвидация неграмотности в значительной степени должна была финансироваться местными промышленными предприятиями, артелями и колхозами. Но на деле вопросы финансирования решались с большими трудностями, причем промышленные районы, которые, казалось бы, имели большие возможности по обеспечению обучения неграмотных, на деле оказывались среди отстающих. В первую очередь речь идет о Гжельском керамическом районе. «Безобразно слабо идет поступление средств на ликбезработу: по “Володарке”, которая вместо 770 руб. внесла лишь 298 руб. *Гжельский рабкооп не внес ничего* (здесь и далее выделено мной. – В. Н.). Союз строителей, который в особенности должен быть заинтересован в ликбезработе, т. к. самый высокий процент неграмотных и малограмотных имеют строители, а главным образом – сезонники. Мячковская каменоломня из 278 р. внесла только 100. *Речицкие заводы из 270 руб. – 160, Гжельские каменоломни из 400 руб. – 300, “Спартак” из 312 р. – 250, “Гигант” из 800 р. – 400»* [23].

Необходимо отметить, что нежелание отчислять средства на обучение неграмотных и малограмотных было явлением не единичным, а, скорее, повсеместным, причем чаще всего в подобных случаях упоминался именно Гжельский керамический район: «Проведенный смотр всеобуча по Турыгинскому-Бахтеевскому подрайону выявил, что со стороны всех организаций халатное отношение к этому делу. Особенно выделяется селение Меткомелино, которое не провело отчисления из средств самообложения на культ. нужды. Речицкие объединенные заводы никаких средств не отпустили. Политехнизация в загоне. Массовой разъяснительной работы по охвату членов союза химиков, ликвид. неграмотных не было. Такое же положение с ликбезом и в артели “Керамика вперед”. В конце декабря предполагается провести второй смотр с привлечением рабочих и представителей сел. организаций» [24].

Что касается организации обучения неграмотных, то и здесь гжельцы оказались

не на высоте: «Вот образец наплевательского отношения к ликбезработе в Гжельском подрайоне. Руководителем ликбеза там является комсомолец Теньгаев. Вместо того чтобы работать на культфронте (за что получает 79 руб. ежемесячно), Теньгаев занялся “совместительством”, приняв обязанности коменданта. Ликбезработу, конечно, забросил. С 14-й годовщины Октября открыт новый клуб, в котором отведена комната для ликбезработы, что тем более обязывает руководителей ликбеза и общественные организации Гжельских каменоломен навёрстать упущенное время» [24].

В рассматриваемой статье критике были подвергнуты и другие предприятия и подрайоны, и лишь в одном случае организаторы ликбезработы заслужили похвалу. Речь шла о всеильном в 1930-х гг. ведомстве ОГПУ, курировавшем строительство знаменитого ЦАГИ: «На постройках ОГПУ ст. “Отдых” руководитель ликбезработы т. Ларин сумел действительно провести непрерывный учебный год, пропустив через свою школу 100 неграмотных. Созданы группы культурмейцев из учащихся технического персонала построек. Из пропущенных через школу ликбеза организованы курсы по повышению квалификации в строительном деле. В результате ликвидации неграмотности и правильной политической работы многие из строителей подали заявления о приеме их в партию» [24]. Примечательно, что наряду с успешной ликбезработой т. Ларина удалось также существенно повысить идейный уровень недавних безграмотных. Последнее обстоятельство отмечено не случайно, так как в том факте, что занятия по овладению грамотой привели ко вступлению в партию, авторами статьи, несомненно, усматривалось главное достижение цели ликбеза – повышение политического самосознания советских граждан. Таким образом, напрашивается вывод, что только усилиями и, надо полагать, методами ОГПУ можно наладить ликбезработу, прочие же гражданские организации – партийные, советские, профессиональные и общественные – с этой задачей не справляются.

Несмотря на громкие лозунги о стопроцентной ликвидации неграмотности в начале 1930-х гг. в Раменском районе, сделано этого, конечно, не было. Как отмечалось выше, число неграмотных на протяжении ряда лет, с одной стороны, с трудом поддавалось учету, а с другой, по ряду причин не только не уменьшалось, но в некоторые периоды даже росло. В 1934 г. исполнилось 15 лет со дня подписания «Декрета о ликвидации безграмотности». Несомненно, за прошедшие полтора десятилетия в этом направлении сделано было очень много, но о всеобщей грамотности говорить по-прежнему не приходилось. Проблема, на наш взгляд, заключалась в постоянной подмене планомерной работы постановкой неосуществимых сроков, и это приукрашивалось звонкими лозунгами, полностью оторванными от реального положения дел. Так, в 1935 г. читаем очередную заметку в газете «Авангард», составленную из набора общих слов и не содержащую никаких конкретных указаний к действию: «На днях страна отмечала знаменательную дату – 15-летие со дня подписания В. И. Лениным декрета о ликвидации неграмотности и десятилетие “Общества долой неграмотность”. Райпрофсовет в связи с этим обязал все фабзавместкомы проверить работу низовых организаций ОДН, оказать помощь в вербовке новых членов в эту организацию. Развернуть шефство грамотных над малограмотными и неграмотными. Обязать охватить учебой всех неграмотных и малограмотных, продолжить дальнейшее их выявление» [16].

Все проблемы и нестроения в деле всеобщего обучения, характерные для области и района, имели место и на территории Гжельского промысла. Как и везде, здесь обнаруживаются и безответственность местных руководителей, и формальная организация обучения, и обычное нежелание учиться самих неграмотных. «Речицы – огромное село, и в нем больше сотни неграмотных и малограмотных, – говорится в очередном материале, посвященном проблемам ликбеза. – Председатель Речицкого завкома

Собакин на предложение открыть ликпункт ответил: “У меня нет средств на обучение”. А когда предложили заглянуть в смету завкома, был изумлен, узнав, что в утвержденной смете завкома числится сумма 2 тысячи рублей, отпущенная на ликвидацию неграмотности... Так дальше продолжаться не может. Фабком, комсомольские организации не вправе стоять в стороне от такой большой задачи, как обучение грамоте взрослого населения» [25].

А между тем неграмотность работников Гжельского промысла вступала в прямое противоречие с возрастающими требованиями к их квалификации. С начала 1930-х гг. здесь была развернута техническая учеба, направленная именно на повышение квалификации рабочих. Разумеется, для неграмотных она была практически невозможна. «“Я даже буквы не знаю, писать не умею. Как же я заниматься технической учебой буду?” – так заявляла одна работница Речицкой фарфоровой фабрики, когда ей предложили записаться в кружок техминимума. Таких неграмотных на Речицкой фарфоровой фабрике можно насчитать много, однако никто из руководителей до сих пор не брался за дело ликвидации неграмотности. Не лучше дело в Речицах и с технической учебой. Директор фабрики Тихомиров, председатель завкома Собакин, парторг Дубов и ряд других ответственных работников, к своему стыду, не знают технологического процесса производства, которым они руководят. Ни один из них не изучает технику фарфорового дела» [26].

Осенью 1936 г. состоялось заседание президиума Раменского районного исполкома и бюро РК ВКП(б), посвященное проблеме ликвидации неграмотности, о котором упоминалось выше. Его решения свидетельствуют о том, что местные партийные и советские власти вполне понимали сложность ситуации с ликбезом. В решении среди прочего отмечалось: «Констатировать, что состояние работы в районе по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения (от 18 до 50 лет) ставит под угрозу срыва выполнение решения СНК

СССР и ЦК ВКП(б)» [18, л. 17–21]. Президиум РИКа и Бюро РК ВКП(б) постановил: в декадный срок развернуть сеть школ неграмотных и малограмотных с таким расчетом, чтобы охватить ими весь контингент, подлежащий обучению; предложить директорам предприятий и совхозов, руководителям учреждений и председателям колхозов обеспечить создание условий для обучения неграмотных и малограмотных в части предоставления помещений под занятия, их отопление и освещение, оборудование инвентарем, учебно-наглядными пособиями и т. п.; предложить Раменскому отделению МОГИЗа завезти в декадный срок 2000 букварей, 2000 грамматик, 2000 книг для чтения, по арифметике для школ грамоты и для школ малограмотных, 1500 учебников по географии для взрослых, не менее 3 тысяч тетрадей и других принадлежностей (перья, ручки, карандаши), необходимых для обучения.

Надо полагать, что эти и некоторые другие вполне конкретные решения были выполнены, так как уже со следующего, 1937 г. отзывы о ликвидации неграмотности в Раменском районе приобретают относительно оптимистичный характер. Во всяком случае, фактов провальной работы на этом направлении фиксируется все меньше, а положительных моментов освещается все больше. Встречаются даже высказывания такого рода: «Фабком фабрики “Красное знамя” считает, что работа по ликвидации неграмотности проведена огромная, и теперь можно от этой работы отдохнуть» [27]. Хотя в той же статье утверждается, что работы по борьбе с неграмотностью впереди очень много.

Обращают на себя внимание публикуемые с определенной периодичностью заметки о тех, кто выучился грамоте и теперь имеет возможность читать недоступную прежде литературу и, разумеется, советскую прессу: «Несколько сот старых кадровых и молодых рабочих и работниц, благодаря ликбезу, приобщились к культуре – стали грамотными, теперь читают газеты и книги, повышают свой идейно-политический уровень. Люди, научившиеся грамоте,

почувствовали в себе новый прилив энергии» [27].

Таким образом, на основании приведенных документов и публикаций в официальной прессе можно сделать выводы о том, что ликвидация безграмотности в Раменском районе и на территории Гжельского народного художественного промысла проходила на протяжении всех 1920–1930-х гг. Несмотря на постоянные попытки, предпринимаемые различными органами власти, выяснить численность неграмотных и малограмотных в районе, точного ответа на это вопрос получено не было. Периодические призывы «добиться стопроцентной грамотности» к очередной годовщине Октября успеха не достигали. Процесс ликвидации неграмотности во многом тормозился из-за недостаточной активности властей на местах, не считавших его делом первостепенной важности и обращавших на него внимание лишь после очередных правительственных постановлений и прямых указаний районного начальства. Большинство промышленных предприятий Гжельского керамического района не спешило выделять средства на организацию обучения неграмотных и малограмотных. Обучение неграмотных и малограмотных

входило в противоречие с задачами руководителей на местах, особенно в периоды осенних и весенних полевых работ, когда основные силы колхозов направлялись на сельхозработы. Значительная часть неграмотных и малограмотных уклонялась от обучения, мотивируя свою позицию самыми разными причинами, главными из которых были занятость на производстве и в домашнем хозяйстве, возраст, а также пребывание в уверенности, что владение грамотой не является жизненно необходимым навыком. Партийные, советские и профессиональные районные органы власти постоянно пропагандировали ликбез как средство повышения идейно-политического уровня жителей района. Первые положительные результаты в вопросе ликвидации безграмотности в Раменском районе вообще и на Гжельском промысле в частности начали отмечаться во второй половине 1930-х гг., когда процент грамотного населения существенно повысился.

Таким образом, говоря о ликвидации неграмотности на территории Гжельского народного промысла в 1920–1930-х гг., можно заключить, что в целом задачи, которые ставились руководством страны в этом направлении, к концу 1930-х гг. были решены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» // ГА РФ. Ф. Р-103. Оп. 2. Д. 1.
2. Волошина С. М. Ликвидация безграмотности в СССР // Живая история. URL: <http://history.ru/statyi/likvidaciya-bezgramotnosti-v-sssr> (дата обращения: 06.11.2020).
3. Декрет СНК 19.07.1920 г. «Об учреждении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности» // ИстМат. URL: <http://istmat.info/node/42332> (дата обращения: 06.11.2020).
4. Первые шаги Ликбеза // Русский портал. URL: <http://www.opoccuu.com/190611.htm> (дата обращения: 06.11.2020).
5. Особенности ликвидации безграмотности в России в первые годы советской власти. URL: https://studwood.ru/1671265/pedagogika/obschestvo_doloy_negramotnost (дата обращения: 06.11.2020).
6. Губернский статистик. 1864. Цит. по: Пэнэжко Олег, прот. Бронницкий уезд. Храмы Раменского района. Владимир, 2008.
7. Исаев А. Промыслы Московской губернии: в 2 т. Т. 2. М., 1876.
8. Илькевич Б. В., Никонов В. В. Художественно-промышленное образование в Гжели. 1899–1937 гг. Гжель: ГГХПИ, 2014.

9. *Никонов В. В.* Народное образование на Гжельском художественном промысле. 1864–1917 гг. Гжель: ГГУ, 2018.
10. Справочник по населенным местам Московской губернии по материалам Всесоюзной переписи 1926 года. М.: Московский статистический комитет, 1929.
11. Дело ликбеза не может быть сорвано // *Авангард*. Орган Раменского Райкома ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета (далее – *Авангард*). 1930. № 5.
12. Забытый фронт // *Авангард*. 1930. № 18.
13. 100% охват учебой неграмотных – основная задача всех организаций // *Авангард*. 1931. № 8 (103).
14. Ликвидация неграмотности. Прорыв // *Авангард*. 1931. № 24 (119).
15. Неграмотность ликвидировать к 1 января // *Авангард*. 1932. № 24 (119).
16. Ни одного неграмотного и малограмотного не должно быть вне учебы // *Авангард*. 1935. № 3 (2752).
17. В стороне от борьбы за грамотность // *Авангард*. 1936. № 116 (4065).
18. Решение Президиума РИКа и Бюро ВКП(б) о ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения Раменского района. 19 сентября 1936 г. // РАУ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 16.
19. Протокол Расширенного пленума Раменского Райисполкома от 5 марта 1937 г. // РАУ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 26.
20. В Гжели прорыв // *Авангард*. 1931. № 36.
21. ОДН – в массы // *Авангард*. 1931. № 36.
22. Срывают ликвидацию безграмотности // *Авангард*. 1936. № 116 (4065).
23. Добиться перелома // *Авангард*. 1931. № 24 (119).
24. Вести из Гжели. Тревожный сигнал // *Авангард*. 1930. № 20.
25. В стороне от борьбы за грамотность // *Авангард*. 1936. № 116 (4065).
26. Нет любви к учебе в Речицах // *Авангард*. 1936. № 95 (4044).
27. Учить неграмотных повседневно, непрерывно // *Авангард*. 1937. № 169 (4408).

REFERENCES

1. Dekret “O likvidatsii bezgramotnosti sredi naseleniya RSFSR”. In: GA RF. F. R-103. Op. 2. D. 1.
2. Voloshina S. M. Likvidatsiya bezgramotnosti v SSSR. Available at: <http://lhistory.ru/statyi/likvidatsiya-bezgramotnosti-v-sssr> (accessed: 06.11.2020).
3. Dekret SNK 19.07.1920 “Ob uchrezhdenii Vserossiyskoy Chrezvychaynoy Komissii po likvidatsii bezgramotnosti”. Available at: <http://istmat.info/node/42332> (accessed: 06.11.2020).
4. Pervye shagi Likbeza. Available at: <http://www.opocuu.com/190611.htm> (accessed: 06.11.2020).
5. Osobennosti likvidatsii bezgramotnosti v Rossii v pervye gody sovetskoj vlasti. Available at: https://studwood.ru/1671265/pedagogika/obschestvo_doloy_negramotnost (accessed: 06.11.2020).
6. Gubernskiy statistik. 1864. Quoted from: Penezhko Oleg, prot. *Bronnitskiy uezd. Khramy Ramenskogo rayona*. Vladimir, 2008.
7. Isaev A. *Promysly Moskovskoy gubernii*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1876.
8. Ilkevich B. V., Nikonov V. V. *Khudozhestvenno-promyshlennoe obrazovanie v Gzheli. 1899–1937*. Gzhel: GGKhPI, 2014.
9. Nikonov V. V. *Narodnoe obrazovanie na Gzhelskom khudozhestvennom promysle. 1864–1917*. Gzhel: GGU, 2018.
10. Справочник по населенным местам Московскоj губернии по материалам Всесоюзноj переписи 1926 года. Moscow: Moskovskiy statisticheskiy komitet, 1929.
11. Delo likbeza ne mozhet byt sorvano. *Avangard. Organ Ramenskogo Raykoma VKP(b), RIKa i Rayprofsoveta (dalee – Avangard)*. 1930, No. 5.
12. Zabytyy front. *Avangard*. 1930, No. 18.
13. 100% okhvat ucheboj negramotnykh – osnovnaya zadacha vsekh organizatsiy. *Avangard*. 1931, No. 8 (103).

14. Likvidatsiya negramotnosti. Proryv. *Avangard*. 1931, No. 24 (119).
15. Negramotnost likvidirovat k 1 yanvarya. *Avangard*. 1932, No. 24 (119).
16. Ni odnogo negramotnogo i malogramotnogo ne dolzhno byt' vne ucheby. *Avangard*. 1935, No. 3 (2752).
17. V storone ot borby za gramotnost. *Avangard*. 1936, No. 116 (4065).
18. Reshenie Prezidiuma RIКа i Byuro VKP(b) o likvidatsii negramotnosti i malogramotnosti sredi vzroslogo naseleniya Ramenskogo rayona. 19 sentyabrya 1936 g. In: RAU. F. 7. Op. 1. D. 16.
19. Protokol Rasshirennogo plenuma Ramenskogo Rayispolkoma ot 5 marta 1937 g. In: RAU. F. 7. Op. 1. D. 26.
20. V Gzheli proryv. *Avangard*. 1931, No. 36.
21. ODN – v massy. *Avangard*. 1931, No. 36.
22. Sryvayut likvidatsiyu bezgramotnosti. *Avangard*. 1936, No. 116 (4065).
23. Dobitsya pereloma. *Avangard*. 1931, No. 24 (119).
24. Vesti iz Gzheli. Trevozhnyy signal. *Avangard*. 1930, No. 20.
25. V storone ot borby za gramotnost. *Avangard*. 1936, No. 116 (4065).
26. Net lyubvi k uchebe v Rechitsakh. *Avangard*. 1936, No. 95 (4044).
27. Uchit negramotnykh povsednevno, nepreryvno. *Avangard*. 1937, No. 169 (4408).

Никонов Вадим Вадимович, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, доцент кафедры психологии и педагогики, Гжельский государственный университет

E-mail: nikonova-box2009@ya.ru

Nikonov Vadim V., PhD in Education, Senior Research Fellow, Research Department, Assistant Professor, Psychology and Pedagogy Department, Gzhel State University

E-mail: nikonova-box2009@ya.ru

Статья поступила в редакцию 14.11.2020

The article was received on 14.11.2020